

Печальные события 1926 года

Начиная с декабря 2020 г., газета «Дивья» публиковала материалы о церковной истории Тихвина первого послереволюционного десятилетия. Только 1926 год почти выпал из общего повествования, так как мы не располагали еще в достаточной мере сведениями о том, что происходило тогда в храмах и монастырях города. Недавняя поездка автора статьи в Череповец и работа с материалами Череповецкого центра хранения документации (напомним, что с 1918 г. по 1 августа 1927 г. Тихвинский уезд входил в состав Череповецкой губернии) позволили существенно пополнить информацию об этом периоде.

Год выдался непростым. Начался он с настоящего бедствия: в январе в Большом монастыре случился страшный пожар, нанесший зданиям обители непоправимый ущерб. Его причиной стала, как писала местная газета, «усиленная топка печей в морозные дни».

Из письма заведующего Тихвинским музеем В.И.Равдоникаса в Череповецкий губернский музей следует, что пожар начался в субботу 9 января около 10 часов вечера в наружной стене монастыря около Никольской башни в помещении, которое военные, разместившиеся в монастыре, приспособили под клуб. Из него огонь по стене монастыря быстро распространился в разные стороны. Прибывшая на место пожарная часть и сбжавшиеся горожане мало что могли сделать. Стоял трескучий двадцатипятиградусный мороз, на холоде замерзали машины и пожарные рукава, а инструментов для ручного тушения не хватало. Распространению огня, как писал В.И.Равдоникас, способствовали сухой потолок и пол монастырской стены. В результате, буквально у всех на глазах, сгорела вся ее деревянная часть. Огнем были уничтожены 4 башни, в том числе та, в которой находилась Никольская церковь. К трем часам ночи основной пожар удалось локализовать, но догорание продолжалось еще около двух суток.

Сгорели жилые помещения восточной стены монастыря, где в бывшей гостинице размещалась красноармейская часть. Заведующий музеем писал: «Вид монастыря обезображен, убытки весьма велики, и восстановить восточную стену вряд ли когда-либо будет возможно». Его прогноз оказался верным. С момента пожара прошло уже более 95 лет, стены нет, и на ее месте по улице Красноармейской (бывшей Рождественской) давно уже стоят частные жилые дома.

Музей и монастырское имущество, находящееся во внутренних помещениях монастыря, по словам В.И.Равдоникаса, тогда не пострадало. «Сгорело только некоторое количество икон, бывших в упомянутой выше Никольской церкви. Все обгоревшие здания относятся ко времени Павла I и Александра I, за исключением Никольской башни, в своей основе выстроенной в XVII веке».

Как писала тихвинская газета, «убыток от пожара составил 65000 руб». Много это или мало, судите сами: средняя зарплата в стране в 1926 г. была 52,5 руб. В пересчете на современные деньги ущерб от пожара составил около 70 миллионов рублей.

Внучка священника Введенского монастыря протоиерея Николая Васильевского Н.М.Плиско в одном из писем тихвинскому краеведу Н.Г.Никонову так вспоминала это чрезвычайное происшествие: «Загорелось в гостинице, где расположены были солдатское жилье и столовая. Вероятно, монастырь горел неделю, если не больше. Мой дядя Владимир Дмитриевич Поздыков, будучи членом добровольной пожарной охраны, там пропал ночью и пришел черным и уставший. Таборы были покрыты копотью и сажей. Выгорело все, что было деревянным... Потом начали разбирать. Сперва стены, но они не поддавались, так стали взрывать. Уж не знаю, много ли было получено полезного кирпича».

Еще она вспоминала о том, как «замазывали изображения святых на стене бывшей электростанции, а ныне городской бани». Речь, видимо, шла еще об одной церкви, которой лишился Большой монастырь весной 1926 г. – «Всех скорбящих Радости». На этот раз это не было следствием какого-либо стихийного бедствия, ликвидация церкви произошла тихо и довольно спокойно.

24 марта 1926 г. на заседании президиума Череповецкого губисполкома слушался вопрос о закрытии в Тихвинском Большом монастыре бывшей домово-церкви «Всех скорбящих Радости», находившейся при бывшей монастырской богадельне. По-

водом для закрытия послужило то, что эта церковь была связана с корпусом, занятым к тому времени баней и электростанцией, а, согласно декрету об отделении Церкви от государства, все молитвенные дома должны были находиться в изолированных помещениях. К этому времени Большой монастырь был передан в пользование малочисленной обновленческой общины, которая и так с трудом содержала храмы обители, остававшиеся в ее ведении, и против закрытия церкви не возражала.

Президиум Череповецкого губисполкома постановил: церковь «Всех скорбящих» закрыть, а освободившееся помещение передать Уисполкому для дальнейшего использования в культурно-просветительных целях. Имущество, специально предназначенное для отправления религиозных обрядов, следовало передать общине Большого монастыря, а все остальное передать УИКу.

В тот период подвергались закрытию не только церкви, но и деревенские часовни. Решение об их ликвидации было принято Президиумом Череповецкого ГИКа 20 октября 1926 г., якобы вследствие того, что граждане не обратились с заявлением об оставлении часовен за общинами своевременно, хотя административные органы в течение полутора лет об этом неоднократно напоминали.

В декабре 1926 г. в органы местной власти стали поступать заявления от жителей деревень Тихвинского уезда с просьбой отменить постановление о закрытии часовен. Жители деревни Кайвакса, относившиеся к приходу Введенского женского монастыря, писали: «Мы, граждане религиозной общины Введенской, просим, чтобы наша часовня осталась за нами, так как и наши отцы религии не бросали, да и мы желаем тоже не бросать. Часовня у нас находится в порядке и будем вперед держать тоже в таком же порядке, как раньше было, о чём и подписуемся» (стиль и орфография сохранены – прим. автора). Приведем некоторые фамилии подписавшихся: Богачёв, Богдановы, Громов, Махнов, Михайловы, Никифоровы, Овсянниковы, Самарёвы, Ульяновы и др.

Желали сохранить свою часовню и «прикрепить её к Пашекожельской церкви» и жители деревни Бор. Подписи под заявлением поставили Арсений Григорьев, Василий Зверев, Иван, Пётр и Яков Майоровы, Анна Михайлова, Василий Осипов и др. Жители Астрачи и Бурково также просили оставить за ними и за общиной Николо-Беседного монастыря стоявшую в деревне часовню. Заявление подписали председатель общины И.Гусаров и еще 28 человек.

Несмотря на просьбы верующих, ликвидация часовен президиумом Череповецкого губисполкома в марте-апреле 1927 г. была признана правильной, и все ходатайства жителей деревень остались безрезультатными. Сохранившиеся в архиве документы свидетельствуют, что тогда же были закрыты часовни и в деревнях Дуброво, Чаголино, Засалье, Валдоси, Городок и Осипово-Ханилово Прогаловской волости; Ивановское, Новая и Магатики Пикалёвской волости, а также в деревне Резаново Пригородной волости.

Более подробно стоит остановиться на судьбе Тихвинского Введенского женского монастыря, община которого продолжала бороться за возвращение храмов обители в свое пользование.

8 января 1926 г. на заседании Президиума Тихвинского уездного исполкома восьмым пунктом повестки дня рассматривался вопрос «О бывшем Введенском женском монастыре». Постановление было обнадеживающим: «Президиум не возражает против открытия Введенского монастыря и передачи Древне-канонической общине».

Копия выписки из этого постановления, а также копии актов осмотра зданий Введенского женского монастыря были высланы в административный отдел Череповецкого ГИКа 12 января 1926 г. В сопроводительной записке пояснялось, что ходатайство общины об открытии Введенского жен-

Часовня в д.Овино.

ского монастыря было вызвано необходимостью, так как «имеющиеся в ведении Тихоновцев две городские церкви (Полковая и Пантелеймоновская) и монастырь Николы Беседного, находящийся от города в трёх верстах, удовлетворить нужд верующих в полной мере не могут».

Заседание президиума Череповецкого губисполкома по этому вопросу состоялось 28 апреля 1926 г., и, несмотря на решение Тихвинского УИКа, все же было принято постановление о закрытии монастыря. Если раньше при отказе регистрации Введенской общины ссылались на необходимость замены священнослужителей и членов церковного совета, опороченных по суду, то теперь основная причина заключалась в невозможности перевода в другое городское помещение находившегося в стенах обители исправдома, который требовал полной изоляции своей территории. Это решение о закрытии Введенского женского монастыря в конце апреля 1926 г. стало окончательным и бесповоротным, хотя приходская община и потом продолжала предпринимать попытки возвращения храмов.

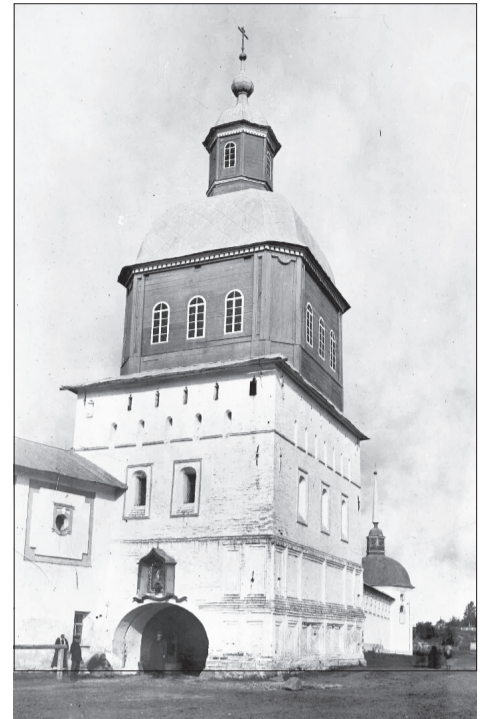
Через пять с половиной месяцев после принятия этого постановления, в сентябре 1926 г., Секретариат Президиума ВЦИК затребовал от Череповецкого губисполкома сведения о том, в каком состоянии находятся здания в бывшем Тихвинском Введенском женском монастыре и как они используются. Через месяц подробная информация на этот запрос была отправлена в Москву.

Сообщалось, что помимо исправдома, в стенах монастыря находились два каменных двухэтажных корпуса. В одном из них, который тихвинцы могут помнить как здание базовой школы педучилища, размещались 36 квартир, занятые «частными гражданами и бывшими монахинями» (известно, что на конец 1925 г. в стенах обители продолжали жить более 100 насельниц – прим. автора). Здесь же размещалась кухня исправдома. Этому корпусу требовался ремонт крыши, туалетов и пяти лежанок. Другой каменный корпус – бывший игуменский – уже был отремонтирован за счет педагогического техникума, в корпус располагалось общежитие этого учебного заведения и проживали три квартиросъемщика.

Пять других корпусов были деревянными двухэтажными (один из них – полукаменный). В общей сложности в них размещались 34 квартиры «частных граждан» и общежитие исправдома. Некоторые из этих зданий нуждались в «настоятельном и неотложном ремонте крыши», а также ремонт полов, печей и лежанок.

В здании бывшей надвратной церкви вмц. Екатерины тоже проживали жильцы: 4 квартиры были заняты «бывшими монахинями», а одна принадлежала «частным гражданам». Введенский собор и церковь Рождества Богородицы были полностью в исправном состоянии и в связи с роспуском общины никак не использовались. Пояснялось, что все три храма обители состояли на учете Главнауки как археологические ценности и «соответствующим образом» охранялись.

Использовать здания церковью предполагалось следующим образом: здание с надвратной церковью вмц. Екатерины, вплотную примыкавшее к двору исправдома, планировали приспособить под общежитие для тюремных надзирателей; в теплой церкви Рождества Богородицы намечались помимо общежития педтехникума разместить еще и общежитие ремесленной школы, которая находилась рядом с монастырем и своего общежития не имела. Холод-

Никольская церковь Успенского монастыря.

ный собор, стоявший «в 10 метрах от общежития Педтехникума и в 30 метрах от Исправдома», предлагали использовать под мастерскую ремесленной школы или исправдома. Для переоборудования требовалось «проделать 3-4 окна, поставить 2 печи и сделать под куполом потолок».

Подчеркивалось, что полное отделение храмов от исправдома невозможно, «т.к. надвратная церковь одним углом вдаётся во двор Исправдома и как-либо отделена быть не может». Чтобы изолировать исправдом от двух других церквей, включив надвратную в территорию исправдома, потребовалась бы постройка 100-метровой каменной стены, что обошлось бы намного дороже, чем средства, требовавшиеся на переоборудование всех трех церквей.

В официальном письме от 7 ноября 1926 г., адресованном секретариату ВЦИК, Президиум Череповецкого Губисполкома сообщал, что церкви Введенского монастыря никогда не были приходскими. Это была явная ложь. Приход при Введенском монастыре существовал не одно столетие, к нему помимо горожан были приписаны жители слобод Заболотье и Стретилово, а также близлежащих деревень: Кайваксы, Астрачи, Буркова, Мулёва и Островка.

В этом письме была еще одна неправда. В документе говорилось: «Ликвидация церквей не затронет интересов населения, так как нужды культа полностью удовлетворятся передачей всех приходских церквей и 8 церквей двух бывших монастырей в пользование верующих, каковых зданий для города с населением в 10000 чел. вполне достаточно». Если бы это было так, то члены Введенской общины не боролись бы с такой настойчивостью за свои храмы. А они продолжали писать письма в разные инстанции вплоть до октября 1927 г.

В том же официальном письме Президиум Череповецкого Губисполкома приводил сведения о количестве действовавших в Тихвине храмов. В пользовании общин «старого течения» в 1926 г. находились Полковая, Знаменская и Пантелеймоновская приходские церкви, а также 2 церкви в Николо-Беседном монастыре. В этих церквях богослужения совершались регулярно. Три церкви Введенского монастыря были никому не сданы и не использовались, хотя верующие «старого течения» продолжали заявлять претензии на их получение по договору.

В руках обновленцев оставались 6 церквей Большого монастыря, три из которых использовались постоянно и три – эпизодически, только во время престольных праздников, так как они являлись частью корпусов зданий, занятых различными учреждениями. В пользовании обновленческой общины находились также городская Спасо-Преображенский собор и приписанная к нему кладбищенская церковь Иова Многострадального.

Итак, главные печальные события 1926 года в церковной истории города: пожар в Большом монастыре, закрытие Введенского женского монастыря, церкви «Всех скорбящих Радости» и деревенских часовен.

Светлана Старшина.